

Оригинальная статья

УДК 159.922.4, 159.923.2
doi: 10.11621/npsyj.2021.0206

Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты: роль ценностей и статуса этнической группы

З.Х. Лепшокова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3387-8242

Для контактов. E-mail: taimiris@yandex.ru

Актуальность. Идентичности и контакты в исследованиях порой рассматриваются через призму заложенного в них конфликтогенного потенциала для межгрупповых отношений, приводящих к предубежденности и эксклюзии, особенно в обществах, имеющих этнические группы с разным статусом. При этом существуют определенные механизмы, которые могут потенциально смягчить эти вредные эффекты. К ним относятся инклюзивные идентичности и контакты, позволяющие объединить представителей разных групп. В связи с чем, важно выяснить мотивационные основы данных идентичностей и контактов.

Цель исследования: изучение роли индивидуальных ценностей и статуса этнической группы в оценке позитивности эксклюзивной и инклюзивной идентичностей, а также в выраженности эксклюзивных и инклюзивных контактов у представителей этнического большинства и меньшинства.

Проведение исследования. Исследование проводилось на выборке этнического меньшинства (русские, проживающие на Северном Кавказе) и на выборке этнического большинства (русские, проживающие в Москве). Общий объем выборки 499 респондентов. Для измерения индивидуальных ценностей использовался портретный ценностный опросник PVQ-R (Шварц и др., 2012). Позитивность этнической, гражданской, региональной идентичностей, межкультурные контакты, монокультурные контакты измерялись с помощью соответствующих методик из опросника проекта MIRIPS (Взаимные межкультурные отношения в поликультурных обществах) (Berry, 2017).

Результаты. В исследовании установлено, что (1) ценности «Сохранения» лежат в основе позитивности эксклюзивной этнической и инклюзивной гражданской идентичностей у представителей этнического большинства, (2) ценности «Открытости изменениям» лежат в основе выраженности эксклюзивных монокультурных дружеских контактов, (3) ценности «Самоутверждения» лежат в основе инклюзивных межкультурных контактов у представителей этнического меньшинства.

Выводы. В исследовании раскрыты мотивационные основы инклюзивных межкультурных контактов русского этнического меньшинства. Ими оказались ценности индивидуального фокуса, выражающиеся в достижении социального успеха и высокого статуса. Ценности социального фокуса, выражающиеся в сохранении традиций норм, оказались в основе позитивного отношения к эксклюзивной русской и инклюзивной российской идентичностям у представителей русского этнического большинства. Результаты исследования имеют широкий потенциал для дальнейшего теоретического интегрирования ценностей и идентичностей, и практического применения в сфере гармонизации межкультурных отношений.

Ключевые слова: ценности, эксклюзивная идентичность, инклюзивная идентичность, этническая идентичность, гражданская идентичность, региональная идентичность, контакты, русские, статус этнической группы, этническое меньшинство, этническое большинство.

Для цитирования: Лепшокова З.Х. Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты: роль ценностей и статуса этнической группы // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 61–75. doi: 10.11621/npsyj.2021.0206

Поступила 1 марта 2021 / Принята к публикации 25 мая 2021

Inclusive and exclusive identities and contacts: the role of values and status of ethnic group

Zarina Kh. Lepshokova, National Research University Higher School of Economics (HSE University) Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3387-8242

Для контактов. E-mail: taimiris@yandex.ru

Background. Identity and contacts are often studied from the perspective of inherent conflict potential for inter-group relations leading to prejudice and exclusion in societies which contain groups with different ethnic status. Nonetheless, there are certain identification and interaction mechanisms that can potentially mitigate or cancel these harmful effects. These comprise inclusive contacts and identities, in particular the positive inclusive identities, which allow to unite the representatives of different groups. It is important to find out what determines these identities and contacts. Schwartz's theory of individual values has great potential for explaining the personality determinants of identities positivity and the intensity of contacts.

Objective. The aim of the study was to examine the role of individual values and status of ethnic group in assessing the positivity of exclusive and inclusive identities, as well as in the intensity of exclusive and inclusive contacts among members of ethnic majority and minority groups.

Design. The study was conducted on a sample of an ethnic minority (Russians living in the North Caucasus) and on a sample of an ethnic majority (Russians living in Moscow). The total sample size is = 499 respondents. The individual values were measured using a portrait value questionnaire – PVQ-R (Schwartz et al., 2012); positivity of ethnic identity, positivity of civic identity, positivity of regional identity, intercultural contacts, monocultural contacts were measured using the appropriate methods from the questionnaire of the MIRIPS project (Mutual intercultural relations in plural societies) (Berry, 2017).

Results. The study found that (1) the values of Conservation underlie the positivity of exclusive ethnic and inclusive civic identities among members of the ethnic majority, (2) values of Openness to Change underlie exclusive monocultural contacts among ethnic minority and majority members, (3) values of Self-Enhancement underlie inclusive intercultural contacts among members of the ethnic minority.

Conclusion. The results of this study revealed the motivational foundations of exclusive monocultural and inclusive intercultural friendship, which were based on the values of personal focus among the Russian ethnic minority and majority members. At the same time, the values of social focus turned out to underlie the positivity of the exclusive ethnic Russian and inclusive civic Russian identity among the ethnic Russian majority members. The research results have a wide potential for further theoretical and practical application in the field of intercultural relations and their harmonization.

Key words: values, exclusive identity, inclusive identity, ethnic identity, civic identity, regional identity, contacts, Russians, status of ethnic group, ethnic minority, ethnic majority.

For citation: Lepshokova Z. Kh. (2021). Inclusive and exclusive identities and contacts: the role of values and status of ethnic group. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 2 (42), 61–75. doi: 10.11621/npj.2021.0206

Received March 1, 2021 / Accepted for publication May 25, 2021

Введение

Довольно часто идентичность в исследованиях рассматривается через призму заложенного в ней конфликтного потенциала для межгрупповых отношений. Социальные психологи отмечают врожденную тенденцию человека классифицировать себя и других как представителей отдельных групп, которые затем воспринимаются как борющиеся за власть, ресурсы и статус (Curtis, 2014). Внутригрупповой враждебность по своей природе не подразумевает враждебность по отношению к членам аут-группы (Brewer, 1999; Balliet, Wu, de Dreu, 2014). Однако исследователи отмечают высокую корреляцию между приверженностью к своей группе и предубежденностью по отношению к другой (Duckitt, Mphuthing, 1998; Huddy, 2001). И это происходит как при упрощенных и произвольных идентификационных маркерах (Brewer, 1996), так и в условиях неравного статуса, контакта (Allport, 1954; Pettigrew, 1998), большой социальной дистанции, конкуренции (Abbinck, Harris, 2019), негативного опыта межкультурного взаимодействия (Meleady, Forder, 2019; Григорьев и др., 2018) или выраженного коллективного нарциссизма (Golec de Zavala, Lantos, 2020). В некоторых случаях эти предвзятые отношения создают основу для межгруппового конфликта, посредством увековечивания негативных стереотипов, клеветы на «других» и стремления отстранить членов аут-группы от получения тех же прав и привилегий, которых удостоиваются члены ин-группы (Curtis, 2014).

Тем не менее, есть определенные механизмы идентификации и взаимодействия, которые могут потенциально смягчить или свести на нет эти вредные эффекты. Яркий пример такого механизма идентификации содержит «Модель общей внутригрупповой идентичности» (Common Ingroup Identity Model — СИМ), которая утверждает, что идентификация членов отдельных групп с одной всеобъемлющей идентичностью может уменьшить предубежденность и улучшить межгрупповые установки (Gaertner et al., 2016). К механизмам взаимодействия можно отнести контакты, поскольку они тоже могут, как объединять членов одной группы с членами других групп, так и фокусировать человека лишь на членах своей группы (Simonsen, 2017). Согласно гипотезе контакта, контакт

между членами разных социальных групп способствует снижению предубежденности в их отношениях при соблюдении определенных условий (Allport, 1954). Мета-анализ показал жизнеспособность данной гипотезы (Pettigrew, Tropp, 2006; Berry, 2017). Относительно контакта с представителями ин-группы в исследованиях отмечается, что в поликультурном обществе они зачастую могут быть связаны с предпочтением стратегии сепарации в межкультурном взаимодействии (Лепшокова, 2017а).

Резюмируя вышесказанное, следует сказать, что идентификация с ин-группой и контакты с членами ин-группы могут вести к эксклюзии в межгрупповом взаимодействии (Verkuyten, Martinovic, 2012). Тогда как идентификация с более крупными группами и контакты с членами других групп ведут к инклюзии в межгрупповом взаимодействии, путем трансформации восприятия границ групп «Мы» и «Они» к более инклюзивному «Мы» (Gaertner et al., 2016). В связи с этим, в настоящем исследовании предлагается ввести понятия эксклюзивных и инклюзивных идентичностей и контактов, которые отражают функциональную сущность идентичностей и контактов представителей поликультурных обществ.

Под эксклюзивной идентичностью будет пониматься идентичность, заключающаяся в осознании человеком своей принадлежности к определенной ин-группе, то есть идентичности, отделяющая его от представителей других групп, своего рода дифференцирующая идентичность. По мнению М. Веркайтена и Б. Мартинович (Verkuyten, Martinovic 2012), яркими примерами эксклюзивной идентичности могут выступать этническая и религиозная идентичности этнических и религиозных меньшинств.

Под инклюзивной идентичностью предлагается понимать идентичность/надидентичность, заключающуюся в осознании человеком своей принадлежности к большой социальной общности, объединяющей представителей разных групп, то есть своего рода зонтичная всеобъемлющая идентичность. Примером инклюзивной идентичности может выступать национальная (гражданская) и региональная идентичности представителей поликультурных обществ (Curtis, 2014).

Особые функции эксклюзивности и инклюзивности: этническая, региональная, гражданская, религиозная и некоторые другие социальные идентичности

Зарина Хизировна Лепшокова —

кандидат психологических наук, доцент Департамента психологии, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0003-3387-8242

Zarina Kh. Lepshokova —

PhD in Psychology, associate professor at the Department of Psychology, leading researcher of Center for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics

ORCID: 0000-0003-3387-8242

зачастую проявляют в условиях поликультурного общества, особенно в котором межкультурные контакты характеризуются высокой интенсивностью и продолжительностью. Безусловно, отнесение той или иной идентичности к эксклюзивной или инклюзивной зависит и от рассматриваемой культурной группы и ее статуса, например, статуса этнического/религиозного меньшинства или большинства, мигранты или принимающее население и т.д.

Под *эксклюзивными контактами* будут пониматься монокультурные контакты, то есть контакты с представителями своей культурной группы и под *инклюзивными контактами* будут пониматься межкультурные контакты с представителями других культурных групп.

Учитывая колоссальную роль инклюзивных и эксклюзивных идентичностей и контактов в межгрупповом взаимодействии, важно понимать мотивационные основы детерминанты данных идентичностей и контактов. Здесь особый интерес представляет исследование С. Рокас и ее коллег, в котором изучалась роль ценностей в раскрытии мотивационных функций в идентификации с нацией. В исследовании обнаружено, что увеличение значимости ценностей «Сохранения» повышает уровень национальной идентификации, в то время как увеличение значимости ценностей «Открытости к изменениям» понижает уровень национальной идентификации (Roccas, Schwartz, Amit, 2010).

Не меньший интерес представляет исследование Л. Сагив и Ш. Шварца (Sagiv, Schwartz, 1995) ценностей учителей и их готовности к аутгрупповым контактам. В данном исследовании установлено, что ценности «Универсализма» и «Самостоятельности» позитивно связаны с готовностью к аутгрупповым контактам, тогда как ценности «Традиции», «Безопасности» и «Конформизма» отрицательно связаны с готовностью к такого рода контактам.

Основываясь на результатах вышеприведенных исследований, мы в своей работе сосредоточились на теории индивидуальных ценностей Ш. Шварца. В данной теории ценности раскрываются как желаемые и надситуативные цели различной важности, которые служат руководящими принципами в жизни людей (Schwartz, 1992, 2006). Иными словами, каждая ценность определяет наши установки, отношения и руководит нашим поведением свойственным ей образом вне зависимости от ситуации. Ш. Шварц выделил 19 ценностей, образующих мотивационный круг (Schwartz et al., 2012) и относящихся к четырем блокам ценностей более высокого порядка: «Открытость к изменениям», «Сохранение», «Самоутверждение» и «Самопреодоление» (рис. 1). Ценности «Открытости изменениям» несут в себе мотивы самостоятельности и независимости, как на когнитивном, так и на поведенческом уровне, а также открытости новому опыту, поиску новых ощущений, «вкуса жизни». Ценности «Сохранения», напротив, включают

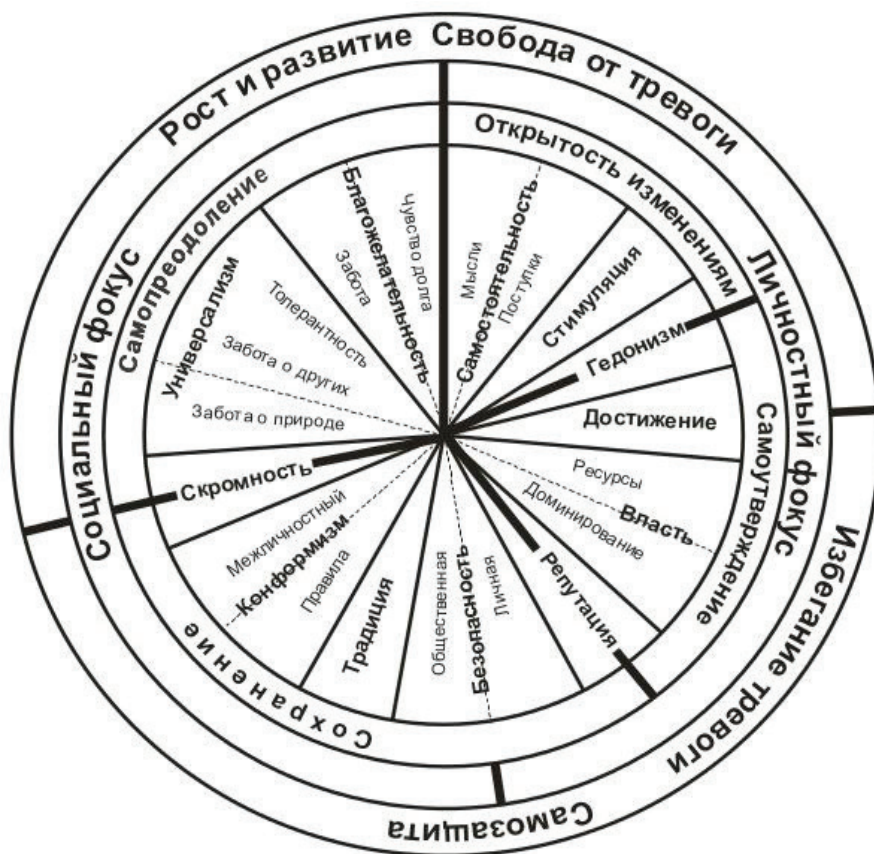

Рис. 1. Круговой мотивационный континуум 19 ценностей по Ш. Шварцу (Шварц и др., 2012)

в себя ориентацию на безопасность, поддержание норм и правил, конформность во взаимодействии с другими людьми. Ценности «Самоутверждения» связаны с желанием обладать ресурсами и высоким статусом, стремлением к социальному успеху, власти и богатству. Ценности «Самопреодоления» включают в себя заботу о других людях, стремление к равенству и благу, как близких людей, так и людей всего мира в целом. Противоречивые блоки ценностей более высокого порядка находятся в противоположных направлениях от центра и образуют две ценностные оси. Ось «Сохранения — Открытости изменениям» и ось «Самоутверждения — Самопреодоления» (Schwartz, 1992). Подразумевается, что, чем больше выражены ценности одного полюса, тем меньше выражены ценности противоположного полюса оси.

Итак, ценности являются стабильными, абстрактными конструктами высшего порядка. Поэтому они, вероятно, являются предикторами отношения к общностям, которые объединяют с представителями своей группы и представителями других групп. Иными словами, они могут выступать предикторами инклюзивных и эксклюзивных контактов и отношения к инклюзивным и эксклюзивным идентичностям. Под отношением к идентичностям здесь понимается валентность идентичности, которая может оцениваться как позитивная, нейтральная или негативная (Лебедева, 1997; Павленко, Таглин, 2004).

Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты обретают особую актуальность и специфику для представителей этнического меньшинства и большинства. Важная роль группового этнического статуса проявилась в исследовании Л. Григорян и Ш. Шварца ценностей и установок по отношению к культурному разнообразию в 25 регионах России (Grigoryan, Schwartz, [Электронный ресурс]). В исследовании четко прослеживается, что характер связи ценностей и установок может меняться в зависимости от статуса этнической группы, то есть, в зависимости от того, тестируется ли связь на выборке этнического большинства или этнического меньшинства. Авторы объясняют это тем, что этническое большинство и этническое меньшинство могут по-разному понимать культурное разнообразие. Например, этническое меньшинство понимает культурное разнообразие как включающее их собственную группу наряду с другими, тогда как этническое большинство понимает культурное разнообразие как что-то внешнее по отношению к своей группе (Grigoryan, Schwartz, [Электронный ресурс]). Кроме того, этническое большинство может воспринимать этнические меньшинства (иммигрантов) и их желание сохранять свою культуру как угрозу своей идентичности и статусу (Schalk-Soekar, van de Vijver, 2008; Grigoryev, van de Vijver, 2018). Поэтому можно предположить, что связь ценностей с позитивностью, эксклюзивной и инклюзивной идентичностей, а так-

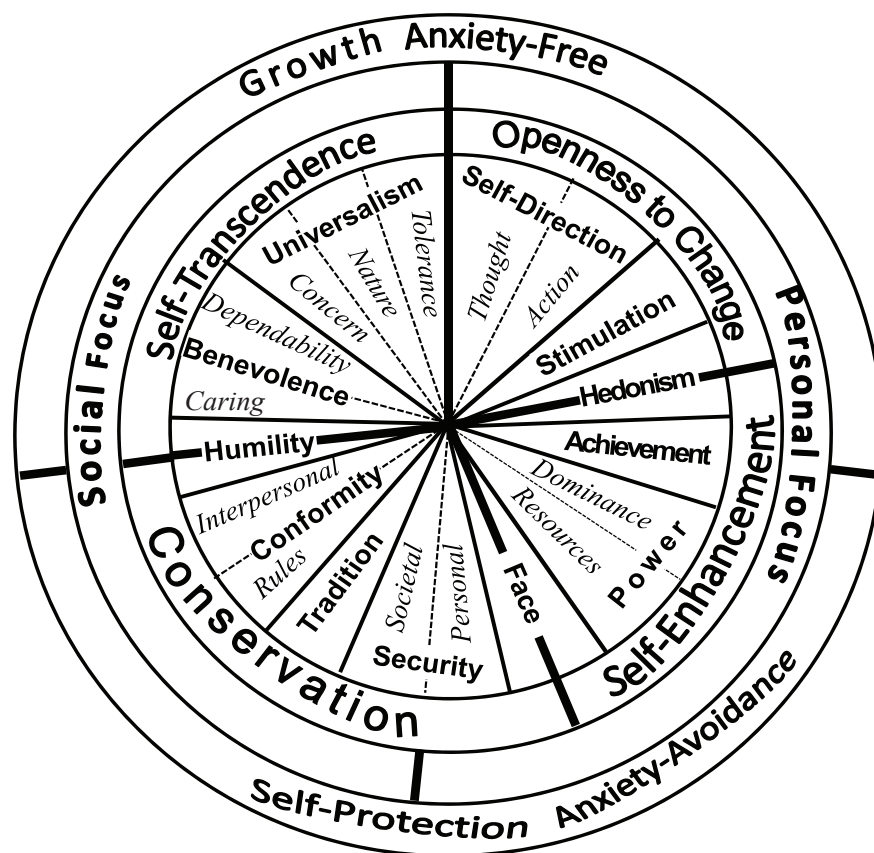

Figure 1. Circular motivational continuum of 19 values according to (Schwartz et al., 2012)

же с эксклюзивными и инклюзивными контактами будет модерироваться статусом этнической группы (меньшинство/большинство).

Таким образом, цель настоящего исследования: изучение роли индивидуальных ценностей и статуса этнической группы, в оценке позитивности-негативности эксклюзивной и инклюзивной идентичностей, а также в выраженности эксклюзивных и инклюзивных контактов у представителей этнического большинства и меньшинства. В качестве этнического большинства выступили русские, проживающие в Москве, а в качестве этнического меньшинства — русские, проживающие на Северном Кавказе. Ниже приводится более подробное описание статуса русских в Москве и на Северном Кавказе.

Статус русских в Москве и на Северном Кавказе

Выбор Москвы и Северного Кавказа для проведения настоящего исследования обусловлен тем, что, несмотря на то, что в целом по стране русские представляют абсолютное этническое большинство, их количество в данных регионах существенно различается, что сказывается на их статусе как этнической группы в этих регионах. Так, в Москве русских более 85% населения, а в 7 национальных республиках Северного Кавказа численность русских варьируется от менее 1% до 63% населения в зависимости от республики, причем имеет место тенденция к нерегулируемому оттоку (Демографические и этнические проблемы [Электронный ресурс]).

Основными причинами своего отъезда русские называют невозможность в силу ряда причин конкурировать с титульными этносами в условиях новых рыночных отношений, низкий уровень представленности во властных структурах и престижных сферах занятости, отсутствие перспектив социального роста (Аккиева, 2013).

Сегодня в национальных республиках Северного Кавказа русские представляют этническое меньшинство (за исключением Республики Адыгея) в условиях наличия «титульных» этнических групп, обладающих расширенными правами в этих республиках. Национальные республики Северного Кавказа обладают значительной автономией, включая право иметь свою Конституцию и законодательную власть, а также свои официальные языки в дополнение к русскому. Титульные этнические группы здесь имеют более высокий политический статус, чем другие этнические группы данных республик, в том числе и русские.

Таким образом, неравенство группового этнического статуса, созданное «титульностью» и численностью русских в национальных республиках Северного Кавказа, дает нам уникальную возможность проанализировать эффекты меньшинства в сравнении с эффектами большинства.

Далее приводятся результаты исследований инклюзивных и эксклюзивных идентичностей и контактов, проведенных среди русского этнического большинства и меньшинства в контексте межкультурного взаимодействия.

Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты русских в Москве и на Северном Кавказе в контексте межкультурного взаимодействия

Единство страны образуется во многом благодаря чувству сопричастности со страной, порождаемому идентичностью, основанной на историко-культурных ценностях, которые разделяют граждане страны (Тишков, 2019). Для всех народов России такой идентичностью является гражданская российская, она выполняет роль инклюзивной идентичности. Так, например, позитивность данной идентичности у русского этнического большинства лежит в основе установок на интеграцию мигрантов (Лебедева, 2009) и этнических меньшинств (Лепшкова, 2012).

Для жителей регионов страны инклюзивными идентичностями, помимо гражданской, могут выступать региональные, локальные идентичности и другие. Например, на Северном Кавказе региональная кавказская идентичность обладает большим потенциалом объединения многочисленных народов Северного Кавказа. В исследовании З. Лепшковой и Н. Лебедевой (Lepshokova, Lebedeva, 2018) обнаружено, что у русских, как у представителей этнического меньшинства Кабардино-Балкарской республики региональная кавказская идентичность и гражданская российская идентичность позитивно связаны с предпочтением стратегии интеграции в межкультурном взаимодействии с титульным населением республики. Относительно межкультурных контактов русских в зависимости от статуса их этнической группы в том или ином регионе России можно сказать следующее. Например, русские, проживающие в Республике Дагестан, в статусе этнического меньшинства демонстрируют позитивную связь между их межкультурными контактами и предпочтением стратегии интеграции в межкультурном взаимодействии с другими народами Дагестана. Тогда как их монокультурные контакты позитивно связаны с предпочтением стратегии сепарации в межкультурном взаимодействии с народами Дагестана (Лепшкова, 2017а). Русские, проживающие в Москве, в статусе этнического большинства демонстрируют позитивную связь между их межкультурными контактами и предпочтением стратегии интеграции в межкультурном взаимодействии с мигрантами (Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016).

Резюмируя вышесказанное можно сказать, что для русских эксклюзивными контактами выступают монокультурные контакты, тогда как эксклюзивной идентичностью выступает этническая русская идентичность. Инклюзивными контактами выступают межкультурные контакты с представителями других этнических групп.

Относительно инклюзивной идентичности важно отметить, что степень ее инклюзивности во многом определяется статусом этнической группы. Так, для русских как этнического меньшинства на Северном Кавказе роль инклюзивной идентичности играет региональная кавказская идентичность, объединяющая русских, проживающих на Северном Кавказе, с

его народами. При этом не стоит забывать, что русские представляют собой этническое большинство страны, поэтому роль инклюзивной идентичности для них также играет гражданская российская идентичность, которая объединяет их со всеми народами России. Поэтому в настоящем исследовании у русских, проживающих на Северном Кавказе, роль инклюзивной идентичности выполняет региональная кавказская идентичность, тогда как в Москве у русских как у этнического большинства роль инклюзивной идентичности выполняет гражданская российская идентичность.

В связи с вышесказанным в настоящем исследовании поднимаются следующие исследовательские вопросы:

1. Как связаны индивидуальные ценности с отношением к инклюзивным и эксклюзивным идентичностям у представителей этнического меньшинства и большинства?

2. Как связаны индивидуальные ценности с инклюзивными и эксклюзивными контактами у представителей этнического меньшинства и большинства?

3. Существуют ли универсальные и/или специфические для групп этнического меньшинства и большинства паттерны изучаемых связей?

Проведение исследования

Исследование проводилось на выборке этнического меньшинства (русские, проживающие на Северном Кавказе) и на выборке этнического большинства (русские, проживающие в Москве). Общий объем выборки — 499 респондентов от 15 до 60 лет, сред-

Таблица 1. Гендерные и возрастные характеристики выборки

Респонденты	N = 499	Пол		Возраст		
		Муж.	Жен.	Min.	Max.	Mean
Русские, проживающие на Северном Кавказе (этническое меньшинство)	295	134	161	15	59	34
Русские, проживающие в Москве (этническое большинство)	204	60	144	15	60	30

Примечание: N — объем выборки; Min. — минимальный возраст; Max. — максимальный возраст; Mean — среднее арифметическое значение.

Table 1. Gender and age characteristics of the sample group

Participants	N = 499	Gender		Age		
		Male	Female	Min.	Max.	Mean
Russians living in the North Caucasus (ethnic minority)	295	134	161	15	59	34
Russians living in Moscow (ethnic majority)	204	60	144	15	60	30

Note: N — sample size; Min. — minimum age; Max. — maximum age; Mean — arithmetic mean.

ний возраст 32 года. Для измерения индивидуальных ценностей использовался портретный ценностный опросник PVQ-R (Шварц и др., 2012). Позитивность этнической, гражданской, региональной идентичностей, межкультурные контакты, монокультурные контакты измерялись с помощью соответствующих методик из опросника проекта MIRIPS (Взаимные межкультурные отношения в поликультурных обществах) (Berry, 2017).

Процедура исследования

Социально-психологический опрос проводился очно в Центральном федеральном округе (г. Москва) и Северо-Кавказском федеральном округе (г. Нальчик). Участие в исследовании было анонимным, добровольным и безвозмездным.

Инструментарий. Опросник Шварца PVQ-R (Шварц и др., 2012) состоит из 57 утверждений. Каждой из 19 измеряемых ценностей соответствуют три утверждения. Респондентам предлагалось оценить каждое из них по 6-балльной шкале от 1 до 6, в зависимости от того, в какой степени описанный человек похож на него самого. Например, «Для него важно поддерживать традиционные ценности или верования» — для ценности традиция из блока ценностей «Сохранение»; «Для него важно быть богатым» — для ценности власть-ресурсы из блока ценностей «Самоутверждение». 19 ценностей обновленной теории Шварца объединяются в блоки ценностей более высокого уровня: «Открытость изменениям», «Сохранение», «Самоутверждение» и «Самопреодоление».

В настоящем исследовании использовались значения осей «Сохранение — Открытость изменениям» и «Самоутверждение — Самопреодоление». Они были рассчитаны с помощью соответствующей процедуры вычитания противоположных по мотивации блоков ценностей (см. напр., Grigoryan, Schwartz, 2020, Магун, Руднев, Шмидт, 2015).

Отношение к этнической (эксклюзивной), гражданской российской (инклюзивной) и региональной кавказской (инклюзивной) идентичностям измерялось с помощью шкал позитивности этнической, гражданской и региональной идентичностей, состоящих из 9 вопросов из опросника MIRIPS (Berry, 2017), переведенного и адаптированного на русский язык (Лебедева, Татарко, 2009). Пример вопроса отношения к своей этнической идентичности: «Я горжусь тем, что я русский»; пример вопроса отношения к своей гражданской идентичности: «Я горжусь тем, что я гражданин России»; пример вопроса отношения к региональной идентичности: «Я горжусь тем, что я кавказец» и др. Ответы заданы в форме 5-балльной шкалы Ликерта от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен.

Межкультурные дружеские контакты с представителями других наций измерялись с помощью следующих двух вопросов: «Сколько у Вас близких друзей другой национальности (какой)?» и «Как часто Вы встречаетесь с близкими друзьями другой национальности (какой)?».

Монокультурные дружеские контакты измерялись с помощью следующих двух вопросов: «Сколько у Вас близких друзей Вашей национальности?» и «Как часто Вы встречаетесь с близкими друзьями Вашей национальности?»

Ответы на вопросы о количестве друзей были заданы в форме 5-балльной шкалы: 1 — ни одного, 2 — только один, 3 — два-три, 4 — несколько, 5 — много.

Ответы на вопросы о частоте встреч с друзьями также были заданы в форме 5-балльной шкалы: 1 — никогда, 2 — редко, 3 — иногда, 4 — часто, 5 — каждый день.

Социально-демографические характеристики. Респондентов попросили указать их пол, возраст, национальность и уровень образования.

Математико-статистическая обработка данных. Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 22.0. Применялись следующие методы: для сравнения средних значений основных переменных исследования использовался t-критерий Стьюдента, для проверки связей использовался иерархический регрессионный анализ, для выявления модерационного эффекта использовался плагин PROCESS macro версии 3.0 для SPSS (Hayes, 2018).

Результаты исследования

В табл. 2 представлены межгрупповые различия по основным переменным исследования.

Данные представленные в табл. 2 свидетельствуют о том, что ценности «Открытости изменени-

Таблица 2. Межгрупповые различия по основным переменным исследования у русских с разным статусом этнической группы (N = 499)

Основные переменные исследования	Русские, проживающие на Северном Кавказе (этническое меньшинство)	Русские, проживающие в Москве (этническое большинство)	t
	M (SD)	M (SD)	
Открытость изменениям	4,22 (0,74)	4,33 (0,63)	-1,86
Самопреодоление	4,47 (0,65)	4,41 (0,59)	1,10
Сохранение	4,47 (0,66)	4,27 (0,71)	3,28**
Самоутверждение	4,01 (0,86)	3,79 (0,78)	3,07**
Позитивность эксклюзивной идентичности	4,19 (0,70)	4,19 (0,76)	-0,11
Позитивность инклюзивной идентичности	3,58 (1,09)	4,03 (0,94)	-4,78***
Эксклюзивные (монокультурные) контакты	4,07 (0,84)	3,81 (0,90)	3,39**
Инклюзивные (межкультурные) контакты	3,53 (1,13)	2,26 (1,23)	12,02***

Примечание: N — количество человек; M — среднее; SD — стандартное отклонение; t — статистика различий t-критерий Стьюдента. «**» — $p < 0.01$; «***» — $p < 0.001$.

ям» и «Самопреодоления», а также отношение к эксклюзивной (этнической русской) идентичности значимо не различаются в группах русского этнического меньшинства и большинства. Ценности «Сохранения» и «Самоутверждения» значимо больше выражены у группы этнического меньшинства (у русских, проживающих на Северном Кавказе), чем у группы этнического большинства (у русских, проживающих в Москве). У русских, проживающих в Москве, значимо позитивнее отношение к инклюзивной гражданской российской идентичности, чем у русских, проживающих на Северном Кавказе, к инклюзивной региональной кавказской идентичности. Монокультурных и межкультурных дружеских контактов значимо больше у русских, проживающих на Северном Кавказе, чем у русских, проживающих в Москве.

Далее рассмотрим результаты иерархического регрессионного анализа, чтобы оценить вклад ценностей и статуса этнической группы в оценку эксклюзивной и инклюзивной идентичностей (табл. 3).

В результате анализа выяснилось, что у русских, чем меньше уровень образования, тем позитивнее эксклюзивная и инклюзивная идентичности. Данный эффект характерен как для представителей этнического меньшинства, так и для представителей этнического большинства. Также выяснилось, что, чем больше выражены ценности «Сохранения», тем выше позитивность эксклюзивной идентичности и инклюзивной идентичности. При этом данные эффекты в большей степени характерны для русского этнического большинства (рис. 2, 3).

Table 2. Intergroup differences in the target variables of the study on a sample of Russians with different status of the ethnic group (N = 499)

Target variables	Russians living in the North Caucasus (ethnic minority)	Russians living in Moscow (ethnic majority)	t
	M (SD)	M (SD)	
Openness to Change	4.22 (0.74)	4.33 (0.63)	-1.86
Self-Transcendence	4.47 (0.65)	4.41 (0.59)	1.10
Conservation	4.47 (0.66)	4.27 (0.71)	3.28**
Self-Enhancement	4.01 (0.86)	3.79 (0.78)	3.07**
Positivity of exclusive identity	4.19 (0.70)	4.19 (0.76)	-0.11
Positivity of inclusive identity	3.58 (1.09)	4.03 (0.94)	-4.78***
Exclusive (monocultural) contacts	4.07 (0.84)	3.81 (0.90)	3.39**
inclusive (intercultural) contacts	3.53 (1.13)	2.26 (1.23)	12.02***

Note: N — number of people; M — mean; SD — standard deviation; t — difference statistics t-Student's criterion. «**» — $p < 0.01$; «***» — $p < 0.001$.

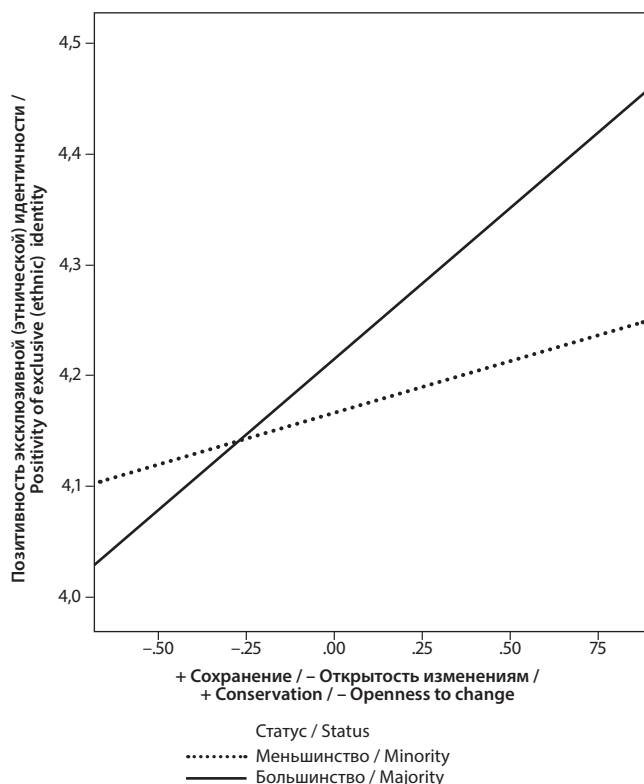

Рис. 2. Наклоны линии регрессии для позитивности эксклюзивной (этнической) идентичности

Figure 2. Slopes of the regression line for positivity of exclusive (ethnic) identity

Далее рассмотрим результаты иерархического регрессионного анализа, чтобы оценить вклад ценностей и статуса в выраженность эксклюзивных и инклюзивных контактов (табл. 4).

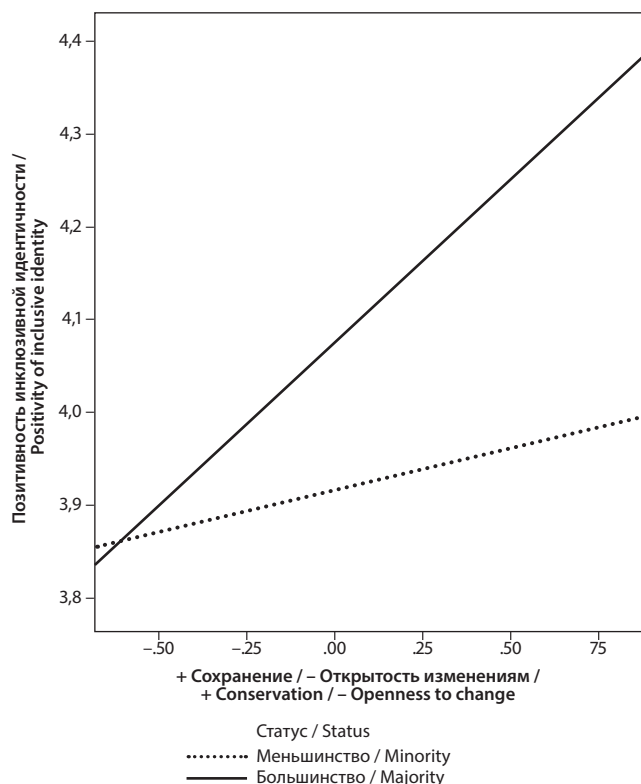

Рис. 3. Наклоны линии регрессии для позитивности инклюзивной идентичности

Figure 3. Slopes of the regression line for positivity of inclusive identity

В результате анализа выяснилось, что у русских, чем меньше выражены ценности «Сохранения» (или чем больше выражены ценности «Открытости изменениям»), тем больше выражены эксклюзивные

Таблица 3. Связь ценностей и статуса этнической группы с позитивностью эксклюзивной и инклюзивной идентичностей (N = 499)

Независимые переменные	Зависимые переменные					
	Позитивность эксклюзивной идентичности			Позитивность инклюзивной идентичности ^a		
	1 шаг	2 шаг	3 шаг	1 шаг	2 шаг	3 шаг
Возраст	0,22**	0,12	0,11	0,20**	0,10	0,09
Пол (0 = мужчины, 1 = женщины)	0,11	0,04	0,03	0,11	0,04	0,03
Образование	-0,13*	-0,15*	-0,15*	-0,11	-0,13*	-0,13*
Статус (0 = меньшинство, 1 = большинство)	0,02	0,06	0,05	0,07	0,11*	0,11*
Сохранение / Открытость изменениям		0,20***	0,16**		0,19***	0,14*
Самоутверждение / Самопреодоление		0,05	-0,06		-0,04	-0,05
Сохранение / Открытость изменениям*Статус			0,11*			0,14*
Самоутверждение / Самопреодоление*Статус			0,02			0,04
F change	2,70*	11,08***	2,44	2,59*	9,66***	3,32*
R ²	0,02	0,06	0,07	0,02	0,06	0,07
ΔR ²		0,04	0,01		0,04	0,01
F	2,70*	5,56***	4,81***	2,59*	5,01***	4,62***

Примечания: ^a — для русских, проживающих на Северном Кавказе, инклюзивной идентичностью выступала региональная кавказская идентичность; для русских, проживающих в Москве, инклюзивной идентичностью выступала гражданская российская идентичность. *p < 0,05; **p < 0,01; ***p < 0,001; в таблице представлены стандартизированные коэффициенты (β).

Table 3. The relationship of values and ethnic group status with the positivity of exclusive and inclusive identities (N = 499)

Independent variables	Dependent variables					
	Positivity of exclusive identity			Positivity of inclusive identity ^a		
	step 1	step 2	step 3	step 1	step 2	step 3
Age	0.22**	0.12	0.11	0.20**	0.10	0.09
Gender (0 = male, 1 = female)	0.11	0.04	0.03	0.11	0.04	0.03
Education	-0.13*	-0.15*	-0.15*	-0.11	-0.13*	-0.13*
Status (0 = minority, 1 = majority)	0.02	0.06	0.05	0.07	0.11*	0.11*
Conservation / Openness to Change		0.20***	0.16**		0.19***	0.14*
Self-Enhancement / Self-Transcendence		0.05	-0.06		-0.04	-0.05
Conservation / Openness to Change*Status			0.11*			0.14*
Self-Enhancement / Self-Transcendence*Status			0.02			0.04
<i>F change</i>	2.70*	11.08***	2.44	2.59*	9.66***	3.32*
<i>R</i> ²	0.02	0.06	0.07	0.02	0.06	0.07
ΔR^2		0.04	0.01		0.04	0.01
<i>F</i>	2.70*	5.56***	4.81***	2.59*	5.01***	4.62***

Note:^a — for the Russians who live in the North Caucasus the inclusive identity was the regional Caucasus identity; for the Russians who live in Moscow the inclusive identity was the civil Russian identity. * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$; the table shows standardized coefficients (β).

Таблица 4. Связь ценностей и статуса этнической группы с эксклюзивными и инклюзивными контактами (N = 499)

Независимые переменные	Зависимые переменные					
	Эксклюзивные контакты			Инклюзивные контакты		
	1 шаг	2 шаг	3 шаг	1 шаг	2 шаг	3 шаг
Возраст	-0,11	-0,05	-0,06	-0,07	-0,04	-0,06
Пол (1 = женщины, 0 = мужчин)	-0,07	-0,03	-0,03	-0,03	-0,01	-0,02
Образование	-0,11	-0,10	-0,09	0,02	0,03	0,03
Статус (1 – большинство, 0 – меньшинство)	-0,12*	-0,15**	-0,16**	-0,47***	-0,47***	-0,48***
Сохранение / Открытость изменениям		-0,14**	-0,17**		-0,05	-0,08
Самоутверждение / Самопреодоление		-0,02	-0,02		0,07	0,07
Сохранение / Открытость изменениям*Статус			0,05			0,07
Самоутверждение / Самопреодоление*Статус			-0,03			-0,14**
<i>F change</i>	6,41***	3,84*	1,25	36,38	2,59	10,13
<i>R</i> ²	0,05	0,06	0,07	0,22	0,23	0,26
ΔR^2		0,01	0,01		0,01	0,03
<i>F</i>	6,41***	5,60***	4,52***	36,38***	25,27***	22,17***

Примечания: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; в таблице представлены стандартизированные коэффициенты (β).

Table 4. The relationship of values and status of ethnic group with exclusive and inclusive contacts (N = 499)

Independent variables	Dependent variables					
	Exclusive contacts			Inclusive contacts		
	step 1	step 2	step 3	step 1	step 2	step 3
Age	-0.11	-0.05	-0.06	-0.07	-0.04	-0.06
Gender (0 = male, 1 = female)	-0.07	-0.03	-0.03	-0.03	-0.01	-0.02
Education	-0.11	-0.10	-0.09	0.02	0.03	0.03
Status (0 = minority, 1 = majority)	-0.12*	-0.15**	-0.16**	-0.47***	-0.47***	-0.48***
Conservation / Openness to Change		-0.14**	-0.17**		-0.05	-0.08
Self-Enhancement / Self-Transcendence		-0.02	-0.02		0.07	0.07
Conservation / Openness to Change*Status			0.05			0.07
Self-Enhancement / Self-Transcendence*Status			-0.03			-0.14**
<i>F change</i>	6.41***	3.84*	1.25	36.38	2.59	10.13
<i>R</i> ²	0.05	0.06	0.07	0.22	0.23	0.26
ΔR^2		0.01	0.01		0.01	0.03
<i>F</i>	6.41***	5.60***	4.52***	36.38***	25.27***	22.17***

Note: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$; the table shows standardized coefficients (β).

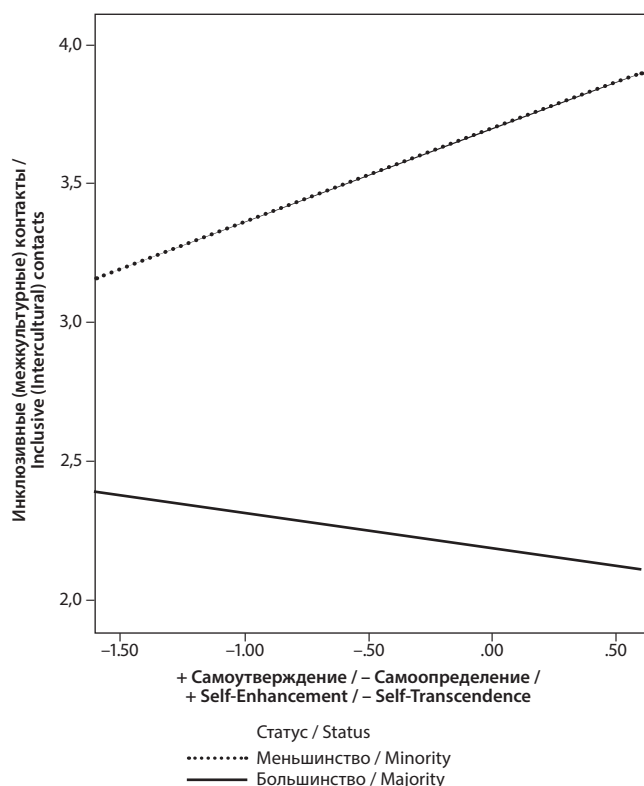

Рис. 4. Наклоны линии регрессии для инклюзивных контактов

Figure 4. Slopes of the regression line for inclusive contacts

контакты (табл. 4). У представителей этнического меньшинства, чем больше выражены ценности «Самоутверждения», тем больше выражены инклюзивные контакты. У представителей этнического большинства связь не значима (рис. 4).

Обсуждение

Напомним, что цель настоящего исследования состояла в изучении роли индивидуальных ценностей и статуса этнической группы в оценке позитивности-негативности эксклюзивной и инклюзивной идентичностей, а также в выраженности эксклюзивных и инклюзивных контактов.

Ценности, статус этнической группы и позитивность эксклюзивной и инклюзивной идентичностей

При анализе связи ценностей с позитивностью эксклюзивной и инклюзивной идентичностей у представителей этнического большинства и меньшинства обнаружено, что ценности «Сохранения», выражающиеся в поддержке норм, правил, традиций, стабильности, конформизме и безопасности, оказались важным предиктором позитивности этнической идентичности. Однако данный эффект проявился в большей степени у представителей этнического большинства, чем у представителей этнического меньшинства. Кроме того, ценности «Сохранения» оказались предиктором и позитивности гражданской

российской идентичности у представителей этнического большинства. Сходные результаты получены в исследовании С. Рокас и ее коллег (Roccas et al., 2010) в Израиле, в котором выявилось, что ценности «Сохранения» позитивно связаны с национальной идентификацией (идентификацией с государством Израиль) у представителей этнического большинства.

В целом полученные результаты свидетельствуют о том, что ценности «Сохранения» у русских связаны не только с позитивностью эксклюзивной этнической русской идентичности, но и с позитивностью инклюзивной гражданской российской идентичности. Здесь важно отметить, что для русских этническая русская и гражданская российская идентичности образуют крепкий сплав и зачастую обозначаются как единая этно-национальная идентичность (Лебедева и др., 2016). Кроме того, этносоциологи отмечают, что государственная российская идентичность у русских как у доминирующего большинства страны базируется на их этнической идентичности (Дробужева, 2002). Таким образом, этническая русская и гражданская российская идентичности значительно перекрывают друг друга. Вероятно, именно поэтому предикторами позитивного отношения к данным идентичностям у русского этнического большинства оказались одни и те же ценности, а именно ценности «Сохранения».

Обращает на себя внимание то, что ценности оказались не связанными с позитивностью эксклюзивной и инклюзивной идентичностей на выборке этнического меньшинства. Разумеется, отсутствие доказательства не является доказательством его отсутствия (Lakens, 2017). Поэтому этот вывод пока рано рассматривать как убедительное свидетельство отсутствия связи ценностей и позитивности инклюзивной и эксклюзивной идентичностей на выборках этнических меньшинств. Для окончательного вывода по этому вопросу может потребоваться больше групп из других социокультурных контекстов, которые обеспечат большую вариативность связей.

Ценности, статус этнической группы и эксклюзивные и инклюзивные контакты

При анализе связи ценностей с эксклюзивными контактами обнаружено, что, чем больше выражены ценности полюса «Самоутверждения» на оси ценностей «Самоутверждение — Самопреодоление», тем больше выражены инклюзивные (межкультурные) контакты у представителей этнического меньшинства. В предыдущих исследованиях уже отмечалось, что ценностную ось «Самоутверждение — Самопреодоление» можно интерпретировать как желаемый человеком характер отношений с другими людьми. В случае ценностей «Самоутверждения» — это действия, направленные на благополучие самого субъекта, включая использование других людей в своих интересах (Магун и др., 2015). Получается, что инклюзивные межкультурные контакты, по большей части с представителями титульных наций, которые являются обладателями более высокого статуса и основных ресурсов в национальных республиках Север-

ного Кавказа, в частности, в Кабардино-Балкарской Республике (Лепшокова, 2017б; Grigoryan, Schwartz, 2020), больше характерны для представителей русского этнического меньшинства, нацеленных на поиски ресурсов достижения высокого статуса, социального успеха и власти в республике.

Заключение

Ценности и идентичность являются важными движущими силами в жизни людей (Bardi et al., 2014). Индивидуальные ценности (Schwartz, 1992) и социальные идентичности (Tajfel, Turner, 1986) сосредоточены на различных, но связанных аспектах личности и имеют частично совпадающие моменты в отношении человеческой мотивации. Однако до сих пор практически не было попыток интегрировать эти важные движущие силы теоретически или эмпирически. Настоящее исследование частично восполнило данный пробел и показало важную роль ценностей в раскрытии мотивационной природы позитивного отношения к эксклюзивной и инклюзивной идентичностям, а также в выраженности эксклюзивных и инклюзивных контактов.

Изучение роли ценностей и статуса русских, проживающих в разных регионах России, позволило выявить специфические для групп этнического меньшинства и большинства паттерны связей ценностей с идентичностями и контактами, которые ведут к эксклюзивности и инклюзии в межгрупповом взаимодействии. Ценности социального фокуса стали предикторами позитивности социальных эксклюзивных и инклюзивных идентичностей лишь на выборке этнического большинства. Таким образом, стало очевидным, что гордость и позитивные чувства по отношению к своей этнической группе и стране более важны для русского этнического большинства, ценящего и поддерживающего традиции, групповые нормы, стабильность и безопасность.

Литература:

- Аккиева С.И. Русские в Кабардино-Балкарии: миграционные установки и этнокультурные потребности // "White Spots" of the Russian and World History. 2013. № 5–6. С. 9–20.
- Григорьев Д.С., Батхина А.А., Дубров Д.И. Ассимиляционизм, мультикультурализм, этнический дальтонизм и поликультурализм в российском контексте // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 53–65. doi: 10.17759/chp.2018140206
- Демографические и этнические проблемы Северного Кавказа и пути их решения [Электронный ресурс] // URL: <https://studylib.ru/doc/497069/demograficheskie-i-e-tnicheskie-problemy-severnogo>.
- Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. 2002. № 2. С. 213–244.
- Лебедева Н.М., Лепшокова З.Х., Галяпина В.Н. Культурно-психологические факторы межпоколенной трансмиссии ценностей у русских на Северном Кавказе // Вопросы психологии. 2016. № 5. С. 47–61.
- Лебедева Н.М. Взаимная аккультурация москвичей и инокультурных мигрантов: социально-психологический анализ // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / Под общ. ред. Н.М. Лебедева. М.: РУДН, 2009. С. 64–92.
- Лебедева Н.М. Социально-психологическая аккультурация этнических групп : дисс. ... докт. психол. наук. М., 1997.
- Лебедева Н.М., Тагарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН, 2009.
- Лепшокова З.Х. (а) Роль межкультурных и монокультурных дружеских контактов во взаимодействии народов Дагестана // Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Под общ. ред. Н.М. Лебедева. М.: Менеджер, 2017. С. 276–298.

Ценности индивидуального фокуса «Открытости изменениям» стали предикторами дружеских контактов с представителями лишь своей национальности. Оказалось, что ценности, выражающиеся в самостоятельности и независимости, а также в открытости новому опыту, поиске новых ощущений, «вкуса жизни» лежат в основе дружбы между русскими, и это характерно как для русского этнического большинства, так и для меньшинства. Ценности индивидуального фокуса, выражающиеся в желании обладать ресурсами и высоким статусом, в стремлении к социальному успеху и власти лежат в основе дружеских отношений с представителями других национальностей лишь у представителей этнического меньшинства.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что результаты исследования имеют широкий потенциал для дальнейшего теоретического и практического применения. Они расширяют теоретические представления об индивидуальных психологических предикторах отношения к общностям, которые объединяют с представителями своей группы и/или с представителями других групп. Более того, результаты данного исследования могут быть полезны при разработке социально-психологических программ и тренингов, направленных на гармонизацию межэтнических отношений в поликультурных обществах, в которых проживают группы с разным этническим статусом.

Информация о грантах и благодарностях

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №19-18-00169 «Влияние цифровизации на социальный капитал и ценности российского общества»).

Acknowledgments

This work was supported by the Russian Science Foundation (project №19-18-00169 "The impact of digitalization on social capital and values of Russian society").

- Лепшокова З.Х. (6) Межкультурные отношения кабардинцев, балкарцев и русских в Кабардино-Балкарской Республике // Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Под общ. ред. Н.М. Лебедева. М.: Менеджер, 2017. С. 156–186.
- Лепшокова З.Х. Стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие (на примере Москвы и Северного Кавказа). М.: Грифон, 2012. 192 с. doi: 10.1037/e503532013-001
- Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. Т. 121. № 3–4. С. 74–93.
- Павленко В.Н., Таглин С.А. Общая и прикладная этнопсихология: учеб. пособие. М.: КМК, 2005.
- Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 4. С. 408–412. doi: 10.1134/S1019331619020229
- Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.
- Abbinck K., Harris D. (2019). In-group favouritism and out-group discrimination in naturally occurring groups. *PLoS ONE*, 14 (9), [e0221616]. doi: 10.1371/journal.pone.0221616
- Allport G. (1954). *The Nature of Prejudice*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Balliet D., Wu J., De Dreu C.K.W. (2014). Ingroup favoritism in cooperation: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 140 (6), 1556–1581. doi: <https://doi.org/10.1037/a0037737>
- Bardi A., Jaspal R., Polek E., Schwartz S.H. (2014). *Values and Identity Process Theory: theoretical integration and empirical interactions*. Cambridge University Press. doi: 10.1017/cbo9781139136983.013
- Berry J.W. (2017). Evaluation of the Hypotheses and Conclusions In W. Berry (Eds.), *Mutual intercultural relations* (pp. 353–374). Cambridge: Cambridge University Press.
- Brewer M.B. (1996). When contact is not enough: Social identity and intergroup cooperation. *International Journal of Intercultural Relations*, 20, 291–303. doi: 10.1016/0147-1767(96)00020-X
- Brewer M.B. (1999). The psychology of prejudice: Ingroup love or outgroup hate? *Journal of Social Issues*, 55, 429–444. doi: 10.1111/0022-4537.00126
- Curtis K.A. (2014). Inclusive versus exclusive: A cross-national comparison of the effects of subnational, national, and supranational identity. *European Union Politics*, 15 (4), 521–546 doi: 10.1177/1465116514528058
- Duckitt J., Mphuthing T. (1998). Group identification and intergroup attitudes: A longitudinal analysis in South Africa, *Journal of Personality and Social Psychology*, 74, 8–85. doi: 10.1037/0022-3514.74.1.80
- Gaertner S.L., Guerra R., Rebelo M., Dovidio J.F., Hehman E., Deegan M.P. (2016). The common ingroup identity model and the development of a functional perspective: A cross-national collaboration. In J. Vala, Waldzus S., M. Calheiros (Eds.), *The Social Developmental Construction of Violence and Intergroup Conflict* (pp. 105–120). Springer International Publishing, Switzerland. doi: 10.1007/978-3-319-42727-0_5
- Golec de Zavala A., Lantos D. (2020). Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly. *Current Directions in Psychological Science*, 29 (3), 273–278. doi: 10.1177/0963721420917703
- Grigoryan L., Schwartz S.H. Values and attitudes towards cultural diversity: Exploring alternative moderators of the value-attitude link. *Group Processes Intergroup Relations*. [Electronic resource] // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1368430220929077> (accessed 16.02.2021). doi: 10.1177/1368430220929077
- Grigoryev D., van de Vijver F. (2018). Acculturation expectation profiles of Russian majority group members and their intergroup attitudes. *International Journal of Intercultural Relations*, 64 (3), 90–99. doi: 10.1016/j.ijintrel.2018.03.001
- Hayes A.F. (2018). *Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach*. New York, NY: Guilford Press.
- Huddy L. (2001). From social to political identity: A critical examination of social identity theory. *Political Psychology*, 22, 127–156. doi: 10.1111/0162-895X.00230
- Lakens D. (2017). Equivalence tests: A practical primer for t tests, correlations, and meta-analyses. *Social Psychological and Personality Science*, 8, 355–362. doi: 10.1177/1948550617697177
- Lebedeva N., Tatarko A., Berry J.W. (2016). Are intercultural contacts dangerous or profitable for person and society? Intercultural relations in Russia and Latvia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9 (1), 41–56. doi: 10.11621/pir.2016.0103
- Lepshokova Z., Lebedeva N. (2018). The Role of Social Disidentification in Acculturation Preferences of Ethnic Majority and Minority Members in Kabardino-Balkar Republic. In N. Lebedeva, R. Dimitrova, J.W. Berry. (Eds.), *Changing Values and Identities in Post-Communist World* (pp. 313–331). Switzerland: Springer, Ch. 17. doi: 10.1007/978-3-319-72616-8_18
- McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M. (2001). Birds of a feather: Homophily in social networks. *Annual Review of Sociology*, 27, 415–444. doi: 10.2307/2678628
- Meleady R., Forder L. (2019). When contact goes wrong: Negative intergroup contact promotes generalized outgroup avoidance. *Group Processes & Intergroup Relations*, 22 (5), 688–707. doi: 10.1177/1368430218761568
- Pettigrew T.F. (1998). Intergroup contact theory. *Annual Review of Psychology*, 49, 65–85. doi: 10.1146/annurev.psych.49.1.65
- Pettigrew T.F., Tropp L.R. (2006). A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 90, 751–783. doi: 10.1037/0022-3514.90.5.751
- Roccas S., Schwartz S.H., Amit A. (2010). Personal Value Priorities and National Identification. *Political Psychology*, 31 (3), 393–419. doi: 10.1111/j.1467-9221.2010.00763.x
- Sagiv L., Schwartz S.H. (1995). Value priorities and readiness for out-group social contact. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69 (3), 437–448. doi: 10.1037/0022-3514.69.3.437
- Schalk-Soekar S.R.G., van de Vijver F.J.R. (2008). The concept of multiculturalism: A study among Dutch majority members. *Journal of Applied Social Psychology*, 38, 2152–2178. doi: 10.1111/j.1559-1816.2008.00385.x

- Schwartz S.H. (2006). A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*, 5, 137–182. doi: 10.1163/156913306778667357
- Schwartz S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M.P. Zanna (Eds.), *Advances in experimental social psychology*, 25. (pp. 1–65). Academic Press, New York, NY. doi: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6
- Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103, 663–688. doi: 10.1037/a0029393
- Simonsen K.B. (2017). Inclusive or Exclusive? How Contact with Host Nationals May Change Immigrants' Boundary Perceptions and Foster Identity Compatibility. *International Migration Review*. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/imre.12356> (date of retrieval 16.02.2021). doi: <https://doi.org/10.1111/imre.12356>
- Tajfel H., Turner J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behaviour. In S. Worchel, W. G. Austin (Eds.), *Psychology of Intergroup Relations* (pp. 7–24). Chicago, IL: Nelson-Hall.
- Verkuyten M., Martinovic B. (2012). Social Identity Complexity and Immigrants' Attitude Toward the Host Nation: The Intersection of Ethnic and Religious Group Identification. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 38 (9), 1165–1177. doi: 10.1177/0146167212446164

References:

- Abblink K., Harris D. (2019). In-group favouritism and out-group discrimination in naturally occurring groups. *PLoS ONE*, 14 (9), [e0221616]. doi: 10.1371/journal.pone.0221616
- Akkieva S.I. (2013). The Russians living in the Kabardian-Balkar Republic: migration attitudes and ethno-cultural needs. "Belye pyatna" v rossijskoi i mirovoi istorii ("White Spots" of the Russian and World History), 3 (5–6), 9–20. (In Russ.)
- Allport G. (1954). *The Nature of Prejudice*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Balliet D., Wu J., De Dreu C.K.W. (2014). Ingroup favoritism in cooperation: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 140 (6), 1556–1581. doi: <https://doi.org/10.1037/a0037737>
- Bardi A., Jaspal R., Polek E., Schwartz S.H. (2014). *Values and Identity Process Theory: theoretical integration and empirical interactions*. Cambridge University Press. doi: 10.1017/cbo9781139136983.013
- Berry J.W. (2017). Evaluation of the Hypotheses and Conclusions In J. W. Berry. In *Mutual intercultural relations* (pp. 353–374). Cambridge: Cambridge University Press.
- Brewer M.B. (1996). When contact is not enough: Social identity and intergroup cooperation. *International Journal of Intercultural Relations*, 20, 291–303. doi: 10.1016/0147-1767(96)00020-X
- Brewer M.B. (1999). The psychology of prejudice: Ingroup love or outgroup hate? *Journal of Social Issues*, 55, 429–444. doi: 10.1111/0022-4537.00126
- Curtis K.A. (2014). Inclusive versus exclusive: A cross-national comparison of the effects of subnational, national, and supranational identity. *European Union Politics*, 15 (4), 521–546 doi: 10.1177/1465116514528058
- Demographic and ethnical problems of the North Caucasus and ways of solving them [Electronic resource]. URL: <https://studylib.ru/doc/497069/demograficheskie-i-e-tnicheskie-problemy-severnogo> (In Russ.).
- Drobizheva L.M. (2002). Russian and ethnic identity: conflict or compatibility. *Rossiya reformiruyushchayasya (Russia in the course of reforms)*, 2, 213–244. (In Russ.).
- Duckitt J., Mphuthing T. (1998). Group identification and intergroup attitudes: A longitudinal analysis in South Africa, *Journal of Personality and Social Psychology*, 74, 8–85. doi: 10.1037/0022-3514.74.1.80
- Gaertner S.L., Guerra R., Rebelo M., Dovidio J.F., Hehman E., Deegan M.P. (2016). The common ingroup identity model and the development of a functional perspective: A cross-national collaboration. In J. Vala, Waldzus, S., M. Calheiros (Eds.), *The Social Developmental Construction of Violence and Intergroup Conflict* (pp. 105–120). Springer International Publishing, Switzerland. doi: 10.1007/978-3-319-42727-0_5
- Golec de Zavala A., Lantos D. (2020). Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly. *Current Directions in Psychological Science*, 29 (3), 273–278. doi: 10.1177/0963721420917703
- Grigor'ev D.S., Batkhina A.A., Dubrov D.I. (2018). Assimilationism, multiculturalism, ethnical color blindness and policulturalism in the Russian context. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-historical psychology)*, 14 (2), 53–65. doi: 10.17759/chp.2018140206 (In Russ.).
- Grigoryan L., Schwartz S.H. Values and attitudes towards cultural diversity: Exploring alternative moderators of the value-attitude link. *Group Processes & Intergroup Relations*. [Electronic resource]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1368430220929077> (date of retrieval:16.02.2021). doi: 10.1177/1368430220929077
- Grigoryev D., van de Vijver F. (2018). Acculturation expectation profiles of Russian majority group members and their intergroup attitudes. *International Journal of Intercultural Relations*, 64 (3), 90–99. doi: 10.1016/j.ijintrel.2018.03.001
- Hayes A.F. (2018). *Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach*. New York, NY: Guilford Press.
- Huddy L. (2001). From social to political identity: A critical examination of social identity theory. *Political Psychology*, 22, 127–156. doi: 10.1111/0162-895X.00230
- Lakens D. (2017). Equivalence tests: A practical primer for t tests, correlations, and meta-analyses. *Social Psychological and Personality Science*, 8, 355–362. doi: 10.1177/1948550617697177
- Lebedeva N., Tatarko A., Berry J.W. (2016). Are intercultural contacts dangerous or profitable for person and society? Intercultural relations in Russia and Latvia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9 (1), 41–56. doi: 10.11621/pir.2016.0103

- Lebedeva N.M. (1997). Sotsial'no-psikhologicheskaya akkul'turatsiya etnicheskikh grupp: diss. ... doct. psikhol. nauk. (Social-psychological acculturation of ethnic groups). Doctoral dissertation (Psychology). Moscow. (In Russ.).
- Lebedeva N.M. (2009). Mutual acculturation of people living in Moscow and migrants with a different cultural background: social-psychological analysis. (Eds.), In N.M. Lebedeva *Strategies of intercultural contacts between migrants and Russian population* (pp. 64–92). Moscow: RUDN. (In Russ.).
- Lebedeva N.M., Lepshokova Z.Kh., Galyapina V.N. (2016). Cultural-psychological factors of intergenerational value transmission in the Russians living in the North Caucasus. *Voprosy psikhologii (Issues of psychology)*, 5, 47–61. (In Russ.)
- Lebedeva N.M., Tatarko A.N. (2009). *Strategies of intercultural contacts between migrants and Russian population*. Moscow: RUDN.
- Lepshokova Z.Kh. (2012). Strategies of migrants' adaptation and their psychological well-being (the example of Moscow and North Caucasus). Moscow: Grifon. doi: 10.1037/e503532013-001 (In Russ.).
- Lepshokova Z.Kh. (2017a). The role of intercultural and monocultural friendship in the interaction between peoples of Dagestan. In N.M. Lebedeva (Eds.), *Intercultural relations in post-Soviet regions* (pp. 276–298). Moscow: Menedzher. (In Russ.).
- Lepshokova Z.Kh. (2017b). Inter cultural relations between the Kabardians, the Balkars and the Russians living in the Kabardian-Balkar Republic. (Eds.), In N.M. Lebedeva. *Intercultural relations in post-Soviet regions* (pp. 156–186). Moscow: Menedzher. (In Russ.).
- Lepshokova Z., Lebedeva N. (2018). The Role of Social Disidentification in Acculturation Preferences of Ethnic Majority and Minority Members in Kabardino-Balkar Republic, in: *Changing Values and Identities in Post-Communist World*. (Eds.). In N. Lebedeva, R. Dimitrova, J.W. Berry. (pp. 313–331). Switzerland : Springer,. Ch. 17,.,doi: 10.1007/978-3-319-72616-8_18
- Magun V.S., Rudnev M.G., Shmidt P. (2015). European value typology and the Russians' basic values. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Damnye. Analiz. Diskussii (Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussion)*, 121 (3–4), 74–93. (In Russ.).
- McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M. (2001). Birds of a feather: Homophily in social networks. *Annual Review of Sociology*, 27, 415–444. doi: 10.2307/2678628
- Meleady R., Forder L. (2019). When contact goes wrong: Negative intergroup contact promotes generalized outgroup avoidance. *Group Processes & Intergroup Relations*, 22 (5), 688–707. doi: 10.1177/1368430218761568
- Pavlenko V.N., Taglin S.A. (2005). General and applied ethnopsychology: study guide. Moscow: KMK. (In Russ.).
- Pettigrew T.F. (1998). Intergroup contact theory. *Annual Review of Psychology*, 49, 65–85. doi: 10.1146/annurev.psych.49.1.65
- Pettigrew T.F., Tropp L.R. (2006). A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 90, 751–783. doi: 10.1037/0022-3514.90.5.751
- Roccas S., Schwartz S.H., Amit A. (2010). Personal Value Priorities and National Identification. *Political Psychology*, 31 (3), 393–419. doi: 10.1111/j.1467-9221.2010.00763.x
- Sagiv L., Schwartz S.H. (1995). Value priorities and readiness for out-group social contact. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69 (3), 437–448. doi: 10.1037/0022-3514.69.3.437
- Schalk-Soekar S.R.G., van de Vijver F.J.R. (2008). The concept of multiculturalism: A study among Dutch majority members. *Journal of Applied Social Psychology*, 38, 2152–2178. doi: 10.1111/j.1559-1816.2008.00385.x
- Schwartz S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M.P. Zanna (Eds.), *Advances in experimental social psychology*, 25 (pp. 1–65). Academic Press, New York, NY, doi: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6
- Schwartz S.H. (2006). A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*, 5, 137–182. doi: 10.1163/156913306778667357
- Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103, 663–688. doi: 10.1037/a0029393
- Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova, D.S. Lipatova A.S. (2012). Verified theory of basic individual values: application in Russia. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki (Psychology. Journal of Higher School of Economics)*, 9 (2), 43–70. (In Russ.)
- Simonsen K.B. (2017). Inclusive or Exclusive? How Contact with Host Nationals May Change Immigrants' Boundary Perceptions and Foster Identity Compatibility. *International Migration Review*. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/imre.12356> (accessed 16.02.2021). doi: <https://doi.org/10.1111/imre.12356>
- Tajfel H., Turner J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behaviour. In S. Worchel, W.G. Austin. *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, IL: Nelson-Hall.
- Tishkov V.A. (2019). Russian identity: internal and external challenges. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk (Bulletin of the Russian Academy of Sciences)*, 89 (4), 408–412. doi: 10.1134/S1019331619020229 (In Russ.).
- Verkuyten M., Martinovic B. (2012). Social Identity Complexity and Immigrants' Attitude Toward the Host Nation: The Intersection of Ethnic and Religious Group Identification. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 38 (9), 1165–1177. doi: 10.1177/0146167212446164